

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

Из газет теперь уже решительно ничего нельзя узнать: «... Упорные бои на всём фронте...» и всё! Иногда сообщается (правда, давно уже не было) «... оставили такой-то город...» Кстати, ещё до бомбёжки дней за 5 установилась какая-то удивительно напряжённая атмосфера. Ленинград окружён. Слышны разрывы дальноточных орудий почти непрерывно. Немцы бросают листовки с предупреждением, что, в случае несдачи Ленинграда до 7-го, начнётся повсеместная бомбардировка.

12 сентября. Бомбёжка явилась своего рода разрядом накопленной и напряжённой атмосферы. С 8-го регулярно каждую ночь мы имеем удовольствие слушать адские раскаты, грохот. А прошлой ночью я всё же не пошла в «укрытие» знаменитое, а осталась с Мишей и Женей Пораями (сыновьями профессора Порай-Кошица, так же, как и мы, живущими в профессорском корпусе Технологического института) стоять в дверях и наблюдали массу жутко-захватывающего. Раз слышали замогильный свист фугасной бомбы, последующую вспышку и непередаваемый грохот — упала где-то на Красноармейской, тонкий свист зажигательных бомб — 2 упали у нас во дворе. Сплохи от зениток, удары их разрывов, яркие плывущие огоньки ракет (диверсанты указывают объекты), синие лучи прожекторов, пересекающие небо, зарево и треск пожаров и над головой непрерывное шмелиное жужжание немецких самолётов — вот та «эффектная» звуко-световая картина, которая представилась нам в узком прямоугольнике раскрытой двери.

Тревоги обычно продолжались до часу или 2-х ночи — неприятно недосыпание. Сегодня же днём была у Норы (соученица-студентка), через один с ними — дотла разрушен дом. Говорит, что они, не дай Бог, что пережили. Вспомнил почему-то Выборг.

Да, что-то нас всех ждёт впереди. Сегодня целый день грохочут орудия. Скорее бы конец!

Сейчас вспомнила, как с 1-го на 2-е сентября в последний раз справили, вопреки всему, Юлкин день рождения, под рефрен — «Эх, всё равно, и жизнь наша пропащая...» — строчка из блатной песни, припомнившаяся кому-то из молодёжи. Подвыпили, потанцевали и даже посмеялись.

А всё-таки с приближением непроницаемой темноты ночи, пропитанной дыханием смерти, становится жутко и настороженно, и побороть это чувство невозможно. Дома у нас, понятно, непрерывная паника и временами галдёж. Сусанна с Ниной и малышами-дочерьми «эвакуировались» — новое, прочно вошедшее отныне в обиход, слово — ещё в конце июня под Вятку, в Котельнич.

Что-то нас ждёт?! Чувство нависшей смерти невыносимо и требует отвлечения. Сейчас 8 часов вечера, все в ожидании тревоги, пришёл Виктор, составить бы пульку, но наши, в том числе и дядя Миша, с одеялами и подушками приготовились к отбытию в бомбоубежище.

20 сентября 1941 г. Немцы «у ворот Ленинграда!» — из газет.

Начался обстрел города из дальноточных орудий. Снаряды разрываются под носом. Вчера, пока мы бежали по двору до укрытия, чувствовали, что воздух насыщен пороховым дымом. Сейчас 9 часов вечера, ждём бомбардировки. Все необходимые вещи мы уложили. Предыдущие ночные тревоги я никуда не ходила, т.к. у нас неизбежно кто-то был из гостей: Юрочка — Юрий Александрович Смирнов, аспирант дяди Миши, наш завсегда, или Виктор, или Тата — младшая сестра Павлика, мужа Нины, моя ровесница, и в компании было не так страшно оставаться в комнатах. Сегодня, кстати, из комнат, выходящих окнами на Загородный, перебралась в прихожую, там устроила настоящую гостиную. Жизнь страшна и богата ощущениями и переживаниями. Может быть, Господь и сохранит нас!

С фронта, очевидно, бегут, т.к. вчерашняя газета полна клеймящих статей против дезертирства. Несчастный советский народ! <...>

25 октября 1941 г. ...Хочу попытаться зафиксировать свои ощущения, когда напротив нас, через улицу, упала бомба. Но прежде скажу, что Брянск, Вязьма, Орёл, Одесса, Таганрог и, кажется, Калинин (бывшая Тверь) взяты немцами. Из передовой

«Ленинградской правды»: «Каждый из нас преисполнен решимости умереть здесь, на подступах к столице, но не пропустить врага в Москву — сердце нашей Родины...», «Враг у ворот Ленинграда...». Наступают, кажется, исторические даты!

Так вот, в ту знаменательную ночь температура у меня была 39,2° из-за цинги и стоматита, что, наверное, усугубило остроту ощущений и ужас пережитого. Как каждый вечер, в половине восьмого, с немецкой аккуратностью началась бомбардировка, о которой возвестил заунывный вой сирены. Все наши немедленно побежали в бомбоубежище, что тоже делалось неизменно. Остались Тата, Юлия (в качестве сиделок) и я. Сначала всё шло своим чередом: жужжали с завыванием моторы немецких самолётов, как назойливые мухи, неистово палили зенитки и где-то зловеще ухали бомбы. Затем все эти шумовые эффекты прекратились, был даже 15-минутный отбой, а затем вакханалия началась сызнова. Было уже за полночь. Зенитки вдруг замолчали. Надвинулась какая-то гнетущая тишина, среди которой грохнуло вдруг 3 удара, каждый с большей силой, так что последний был почти оглушительный. Послышался звон — напряжённый и тонкий, разбитого стекла в одной из комнат. Я почувствовала, как кровь отлила от моей физиономии. В мгновение ока мы все втроем очутились в дверях, причём, я почему-то волокла за собой одеяло, Юлька была в одной туфле. В следующий миг я пришла в себя и, завопив: «Дурочки, ведь уже всё, назад!», стала вытаскивать Тату и Юлю из двери, куда мы забились. Затем, быстро одевшись, причём я еле-еле держалась на ногах, мы спустились вниз и вошли к Марениным. Оглушительные удары прекратились, центр бомбёжки, по-видимому, переместился. Угнетающе действовало полное безмолвие зениток и монотонное гудение самолётов над головой. Но едва мы поднялись к себе, как буквально присели от потрясающего, несравнимого с первым, грохота, сопровождавшегося уже длительным и резким звоном летящих и бьющихся стёкол. Как оказалось, стёкла повывлетели из всех 4-х огромных окон в комнатах, выходящих на Загородный проспект. Квартира тут же наполнилась леденящим холодом. На этот раз я даже не успела двинуться с места, и только молниеносно промелькнула мысль: «... всё!» Но это было не всё. Не упомянула о ещё более ужасно действующем на нервную систему, предшествующем этому взрыву, коротком, завывающем и быстром, как шквал, жутком свисте летящей бомбы — это непередаваемо! После этого мы уже решительно спустились в бомбоубежище и только после отбоя вернулись к себе. Но наши испытания, оказывается, ещё не были кончены. Я, словно что-то предчувствуя, не смогла уснуть. И действительно, едва стала задрёмывать, по примеру Таты и Юли, как привскочила (мы прилегли на этот раз в пальто и с сумками в руках) с оставшимся впечатлением грома. Но всё было тихо. Я разбудила всё же девочек, а в следующий момент мы, как подлётные, вылетели на лестницу под новый разрыв бомбы, и только после этого завывала запоздавшая сирена. Почему-то совсем угнетающее впечатление произвела эта бомба без объявления тревоги, во время драгоценного кратковременного, казалось, отдыха. Впечатление обострилось полыхающим пламенем, освещавшим нашу лестницу, и криками: «горим!». Оказалось, на наш институт было сброшено до десятка зажигательных бомб, но, к счастью, пожар был быстро ликвидирован. Этой ночи я не забуду никогда! Это было 8—9 октября.

Предыдущую неделю погода стояла «чудная», т.е. дождливая и пасмурная — тревог не было. Кстати, после той ночи я тоже ходила с сигналом тревоги спать в бомбоубежище, т.к. чувствовала, что не смогу больше совершать такие променады взад-вперед по лестнице.

11 октября, слава Богу, я поправилась. Юрий Александрович, помню, принёс откуда-то добытую репку, чтоб я ела её от цинги. 12-го октября в последний раз в филармонии слушала папину любимую 5-ю симфонию Чайковского, а 13-го уже дежурила в больнице (госпитале). Поступила на двухмесячные курсы медицинских сестёр и до настоящего времени занимаюсь на них».

О моих дежурствах и работе в госпитале на территории 1-го Военно-медицинского института в дневнике

никаких подробностей нет, а, между тем, это были богатые по впечатлениям и очень страшные по сути полтора месяца, глубоко проникшие в память. Окончание курсов с отметкой «отлично» и похвальные отзывы позволили сразу перейти из нянечек в медицинские сёстры. Я должна была уметь делать уколы, перевязки, выписывать рецепты, помогать при операциях и пр. Вот эпизоды из тех дней:

После прямого попадания снаряда в один из цехов завода Марти к нам стали поступать раненые. За следовавшими по коридору санитарями с носилками по полу тянулись дорожки из кровавых капель. Разносили сразу по операционным, где новенькие из сестёр часто от вида обилия крови и страданий людей теряли сознание, но я кое-как держалась.

Помню лицо девушки, окружённое белокурыми кудряшками и с разводами от косметики под воздействием слёз и пота — ранение у неё, к счастью, было лёгкое. Рядом на столе лежал могучий парень с лицом и грудью, испещрёнными сине-чёрными точками осколков снаряда, из которых два крупных застряли в предплечье. Но самое тяжёлое было в палатах: 10-летняя девочка, получившая ранение в позвоночник при бегстве под обстрелом из пригорода. Кошмар заключался в том, что у неё двигательные функции были потеряны, а чувствительность сохранилась. Как сейчас вижу её страдальческое личико с остриженной «по ёжик» головкой и слышу мольбу: «Сестричка, сделайте укол». Родители её были убиты. В индивидуальной палате находилась красивая 16-летняя девушка с оторванными выше колена ногами. Она непрерывно плакала и отказывалась жить. Отец её был работником НКВД в довольно высоком чине. По ночам не было сна из-за стонков и частых вызовов к раненым. Муки эти людские несколькими словами не опишешь.

Далее в дневнике две странички, исписанные простым карандашом, без дат:

«С половины октября 1941 г. в Ленинграде если ещё не форменный голод, то быстрыми темпами надвигается. Что-то будет!!!

Ноябрь — всё хуже.

Декабрь — 125 граммов хлеба, служащим и иждивенцам.

Январь 1942 г. — смертность до 30000 человек в день — на улицах трупы. Канализация и водопровод не работают, электричества нет.

Умираем! Ядовитая и зловеющая слабость. Господи, помоги! Сознание затуманено.

Февраль — северная дорога открыта, началась эвакуация, на Финляндском вокзале Бог знает, что творится. Поняла цену жизни, жажду выехать, иначе, чувствую, гибель совсем близка — Боже, как всё трагично. Дома жизнь стала невыносимой, превращаюсь постепенно в домработницу: ношу дрова, воду, выношу ведро с испражнениями — я ведь моложе, исключая ровесницу Мусю, и капельку крепче всех остальных. Вода и в водокачках прекратилась, топим снег, чуть ли не вместе с дерьмом, т.к. весь город загажен. Таская тяжёлые ведра с водой по нашей лестнице с высокими пролётами, заработала радикулит и растяжение вен на ноге, т.е. два хронических заболевания. От истощения умерли: Александр Георгиевич Евангулов (один из братьев дедушки и дяди Миши), Леонид Васильевич Филиппов (старший брат мамы), Серёжа Матушевский (брат Павлика), не говоря уже о многочисленных друзьях и знакомых. Осколком снаряда убита Зинаида Васильевна Филиппова — на «своём рабочем месте», в медицинском кабинете завода «Красный треугольник».

Остановлюсь здесь на ряде подробностей, не отмеченных в дневнике, но отложившихся в памяти: тётю Зину хоронили суровой зимой 1941 года на Смоленском кладбище, в братской могиле, Константин Васильевич (её брат) с женой Верой Александровной и я.

В вырытые колоссальной длины траншеи покойников сначала клали ещё в гробах, а позже уже без них. Сейчас же вокруг нас на снегу взлетали «фонтанчики» смертоносной немецкой шрапнели, и мы вынуждены были при приближении её к нам прятаться в тех же траншеях, а пересекать открытые пространства с большой осторожностью.

И ещё: Александра Георгиевича с его милой женой, Еленой Карловной (Лёлей), я порой навещала на Загородном проспекте в их комнатке на верхнем этаже. Там я оттаивала в уюте и в сочувствии к нашей трагедии этих добросердечных людей.

(Продолжение в следующем номере).